

К 180-летию великого русского писателя

«Москва моя родина»

Путешествие по гоголевским местам нашего города

Осенняя Москва 1831 года. С восторгом читают здесь недавно вышедшую и сразу ставшую литературным событием новую книгу пока еще никому не известного автора — «Вечера на хуторе близ Диканьки». Особенно увлечена книгой студенческая молодежь. А вскоре открывается тайна имени автора: двадцатидвухлетний Николай Васильевич Гоголь, родом из Малороссии, уже напечатанной к тому времени под псевдонимом несколько не имевших успеха произведений. «Вечера» приносят начинающему писателю широкую известность. Он знакомится с А. С. Пушкиным, вступает в литературный мир Петербурга.

А год спустя, в последние дни июня 1832 года, Гоголь впервые приезжает в Москву. Тепло встретят автора «Вечеров» в домах писателя С. Т. Аксакова, прославленного актера М. С. Щепкина, историка М. П. Погодина. И когда Гоголь снова будет в Петербурге, оттуда полетят письма к московским друзьям. «Тянет в Москву» — признается он, и тяга эта год от года усиливается.

Издание «Арабесок» и «Мир-города» откроет иные грани таланта писателя, иной круг волнующих его тем. Оценка новых произведений Гоголя была далеко не однозначной. Часть критики обрушилась на них с яростными нападками. Какой опорой стал для писателя в те трудные дни В. Г. Белинский, провозгласивший его «главою литературы, главою поэтов»!

Наступает 1836 год, а с ним и новые испытания, год исторической постановки «Ревизора» в Петербурге, когда после спектакля, по образному выражению самого писателя, на него обрушились целые сословия. Вскоре и в Москве в Малом театре состоялась первое представление «Ревизора», где в роли Городничего выступил непревзойденный Щепкин. Московская постановка вызвала благожелательный отзыв в «Молве». Гоголь пишет М. П. Погодину: «...Москва больше расположена ко мне... Сердце мое в эту минуту наполнено благодарностью к ней за ее внимание ко мне»...

Вместе со школьным товарищем А. С. Данилевским Гоголь летом 1836 года уезжает за границу. Начинается внешне добровольное, а по сути вынужденное изгнание. Но где бы они ни были — в Швейцарии, Франции, Италии, не прекращается живая связь с московскими друзьями, с родиной: «Теперь передо мной чужбина, вокруг меня чужбина, но в сердце моем Русь... одна только прекрасная Русь». А через три года — вновь родные бескрайние равнины. Он возвращается в Россию, в Россию, лишившуюся Пушкина, и сама мысль об этом омрачает радость свидания с родиной. Ведь так же, как и «Ревизор», сюжет произведения, которым

он сейчас захвачен, был ему подсказан великим другом.

На этот раз Гоголь надолго задерживается в Москве. В доме С. Т. Аксакова читает главу из «Мертвых душ». Расширяется круг московских знакомств писателя.

9 мая 1840 года именной обед в великолепном саду погодинской усадьбы. На торжество приехали знаменитые москвичи: П. Я. Чаадаев, К. С. Аксаков, М. Ф. Орлов, Ю. Ф. Самарин, М. Н. Загоскин, А. И. Тургенев, профессора Московского университета, и среди гостей — М. Ю. Лермонтов. Они ходили по аллеям, говорили что-то друг другу, стояли у пруда. Гоголь попросил Лермонтова почитать стихи. Тот согласился. Прочитал Гоголю и небольшому числу слушателей отрывок из своей поэмы «Мцыри». А на следующий день Гоголь и Лермонтов встретились вновь в доме Д. Н. Свербеева на Страстном бульваре и проговорили до глубокой ночи. Лермонтов отправлялся на Кавказ в ссылку, а Гоголь через несколько дней с Поклонной горы прощался с любимым городом. Из Италии он напишет С. Т. Аксакову и выскажет мысль о Москве как своей духовной родине: «Теперь я ваш, Москва моя родина. В начале осени я прижму вас к моей русской груди».

В осеннюю Москву 1841 года писатель возвращается внутренне изменившимся. Он стал молчаливее. Весь поглощен мыслью об издании «Мертвых душ». Заседание Московского

цензурного комитета — словно представление нелепой комедии. Как только председатель комитета Голохвастов услышал название «Мертвые души», вспомнил Гоголь, он закричал голосом древнего римлянина: «Нет, я этого никогда не позволю: душа бывает бессмертна; мертвой души не может быть, автор вооружается против бессмертия»...

Рукопись удалось забрать из цензурного комитета. Но прошли месяцы, мучительнейшие месяцы для писателя в Москве, пока решилась судьба произведения. Наконец благодаря хлопотам петербургских друзей было получено разрешение печатать «Мертвые души». Эскиз обложки для книги выполнил сам Гоголь. Под заглавием он написал особенно броско «Поэма». Книга была раскуплена нарасхват. Во многих московских домах ее читали Щепкин, Садовский...

Но были читатели, узнавшие себя в разных лицах поэмы. Это они, травившие Гоголя после постановки «Ревизора», теперь кричали об оскорблении всей России. Были московские аристократические дома, где Гоголя называли опасным человеком. А он сам, снова на чужбине, обостренно прислушивается к похвалам, восторгам, негодованию, злобе.

Только через шесть лет, в 1848 году, Гоголь вновь увидит до боли знакомые, волнующие родные картины и златоглавую Москву. На чужбине он испытал тяжелые душевные потрясе-

ния. Книга «Выбранные места из переписки с друзьями» вызвала резкое осуждение Белинского, Герцена, даже близких московских друзей. Как заметил в воспоминаниях о Гоголе И. С. Тургенев, теперь «какая-то затаянная боль и тревога, какое-то грустное беспокойство пришеивались к постоянно — проницательному выражению его лица».

Последние четыре года жизни писателя прошли в Москве, в доме его знакомого графа А. П. Толстого на Никитском (ныне Суворовском) бульваре. Друзья, знакомые, навещая, заставляли его в отведенных ему двух комнатах первого этажа работающим стоя за высокой конторкой, крытой зеленым сукном.

Здесь, в этом доме, в трагическую ночь с 11 на 12 февраля 1852 года Гоголь сжигает в камине рукопись второго тома «Мертвых душ». А утром 21 февраля великого писателя не стало.

Теперь эти комнаты — мемориальные. Они созданы при старейшей городской библиотеке № 2, носящей имя писателя. В мемориальных комнатах собраны прижизненные издания произведений писателя, его портреты, выполненные в разные годы.

Обстановку комнат воссоздали по воспоминаниям современников, картинам и гравюрам того времени: книжные шкафы, диваны, стол, ширма, скрывающая кровать...

Нескончаем поток людей в это скромное жилище, единственный дом Гоголя в Москве. Больше одной экскурсии в день небольшие комнаты не в состоянии вобрать в себя. Вот и приходится регулировать поток желающих: в воскресенье и четверг принимать одиночных посетителей, в остальные дни, кроме вторника, экскурсии по предварительной записи.

Образ великого писателя, погруженного в глубокое раздумье, гениально воплотил скульптор Н. А. Андреев. Памятник был создан в 1909 году, к столетию писателя, и находится ныне во дворе дома № 7-а по Суворовскому бульвару, у дома, где прошли последние годы его жизни. И сегодня в дистанции времени мы чувствуем в андреевском Гоголе социальную зоркость художника, человечность и пророческий дар. Нынешнее, более сложное понимание гоголевского творчества находит в памятнике изумительное пластическое выражение.

И продолжается удивительная жизнь его книг... Как будто предвидя и веря в светлое будущее России, Гоголь сказал когда-то: «Знаю, что мое имя после меня будет счастливее меня». Эти слова оказались поистине пророческими.

Д. ЕНИКЕЕВА.

На снимке: памятник Н. В. Гоголю на Суворовском бульваре. Фото А. ВОЛОДИНА.